

Игорь Джерри Курас

ОСНОВЫ

Все пытаются мне объяснить, что случилось сначала —
а сначала собрал он всех рыб и китов у причала;
также, рейсы стрекоз отложил
и оставил их у терминала,
поезда муравьиные не уходили с вокзала.

Он огромную бабочку долго держал на ладони
и была на ладони она, как принцесса на троне;
раскрывала крыла, как врата алтаря золотые
и пыльца осыпалась, и звёзды рождались ночные.

А когда улетела туда, где кометы-скитальцы,
тут и божья коровка с травинки спустилась на пальцы.
А потом зажигались огни
над огромной и тёмной парковкой,
и пастух любовался то небом, то божьей коровкой.

«Улетай, — говорил. — Там тебя ждут детки».
И на «вы» обращались друг к другу все птицы на ветке.
Он ложился в траву, разрешая полёт всем стрекозам,
муравьёв выпускал поездами к пионам и розам,
и огромные рыбы, трубя,
уплывали толпой от причала
рассказать остальным, что случилось —
случилось сначала.

А ветер шумит за окном нарочито,
а ветер шумит —
как будто неладной баллады зачитан
чужой алфавит.

И хочется вникнуть, и хочется слово,
услышав, понять,
но ветер шумит за окном незнакомо
опять и опять.

Потеряны смыслы и пафос утрачен —
всё пепел да тлен —
но, чёрт побери, до чего же он мрачен —
гнетущий рефрен.
Не видно деревьев у края балкона —
езде темнота,
и только намёком два стула плетёных
у стойки зонта.

И зонт —
этот древний бесчувственный идол
всесильный пока —
как будто собрата по крови увидел
в иные века.
Как будто бы снова плоты и галеры,
чернеет жнивье —
но только опять от войны и холеры
пустое жильё.
И ночь непроглядна, и в миске — баланда,
во тьме — керосин...
Пусть будет неладна такая баллада —
я разве просил?

Зачем этот чёрный порывистый ветер
гудит до утра? —
ведь есть же, наверное, где-то на свете
другие ветра;
беспутные ивы, дубы-однолюбы,
воды малахит;
и ночь, и в ночи — осторожные губы:
«Вернись, Шуламит».

Ты не любишь, когда я пытаюсь рассказывать сны:
потому что они происходят со мной без тебя,
но сегодня я видел во сне: на заливах лесных
облака, отражённые рябью, о ком-то скорбят.
Я ведь тоже скорблю.

Я и сам в облаках потерял
неуклюжую лодку, пустой деревянный причал
и суровое слово, что было началом начал,
и того, кто в заливах лесных с этим словом звучал.

И тогда, не поверишь, виденье Тучкова моста
мне явилось внезапно (такое бывает во сне)
и лицо незнакомки (как будто художник у ста
чьих-то лиц взял черты — и составил в единое мне).

Эта женщина тоже пыталась в заливах лесных
отыскать свою лодку, пустой деревянный причал...
Ты не любишь, когда я пытаюсь рассказывать сны,
но, поверь, я её никогда-никогда не встречал.

И торчала повсюду высокой осокой трава,
может, так, как бывает во сне —
может быть, неспроста;
и тащился куда-то последний — без окон — трамвай
вдоль Тучкова моста, моя боль. Вдоль Тучкова моста.

Знает ли гусеница, что будет бабочкой?
Знает ли бабочка, что была гусеницей?
Что, протыкая её булавочкой,
плакал профессор из Массачусетса?

Ну, улетай — ведь никто не неволит же:
крылышки яркие, лапки лаковые;
стрижены травы Уэллсли колледжа,
ветки кленовые одинаковы.

Мятою пахнет листва аптечную,
ходят лужайкою тёплые ветры.
Знает ли смертный, что станет вечностью?
Помнит ли вечность, про тех, что смертны?

Знали бы всё — навсегда убежали бы;
если бы помнили — смылись бы точно.
Пишешь стихи — получают жалобы;
жалости ищешь — рифмуются строчки.

Время не знает ни брата, ни сторожа —
после дождя все тропинки заплаканы,
стрижены травы Уэллсли колледжа,
ветки кленовые одинаковы.

— Где-то дерево плачет, —
Ты знаешь значение слов,
ты умеешь услышать не так как другие — иначе;
ты смолу вытираешь со дланей своих и перстов
вдоль индиго джинсового: дерево, дерево плачет.

Я прижился в придуманном сне. Я основу основ
осознал в бесконечной своей темноте: отлучённый, незрячий;
упокоясь главою средь дланей твоих и перстов,
я пытался услышать, как ты: где-то дерево плачет.

Это плач ни о ком — или плач обо всех, кто готов
ничего не просить никогда,
только редкие ждать передачи
с сургучовой печатью, где дланей твоих и перстов
смоляные густые следы: это дерево плачет.

Вдоль индиго джинсового, мимо дорог и мостов
ты однажды, наверное, снова сроднишься с удачей,
и гранита коснёшься — и дланей твоих и перстов
я узнаю тепло; и услышу, как дерево плачет.

В нашем раю не растут яблоки,
бог с бородой не сидит на облаке,
нет сообщений ни в личке, ни в паблике,
дьявол не ходит в змеином облике.
Значит и здесь ни тоски, ни радости:
солнце являет восточные слабости —
прямо за грядкой, в траве, без надобности,
не согревая, огнём роса блестит.

В нашем раю — удивительно пусто:
ни мудрецов с бородами, ни идолов —
даже болтливый старик Заратустра
слова бы здесь из себя не выдал.
Вот стебелёк пригибается слабенький
клевера, мимо бегущего краем.
Если бы в нашем раю были яблоки,
был бы он самым потерянным раем.

И. Т.

Небо сегодня прозрачно и чисто —
в нём синевы немерено;
даже когда опадут все листья,
верю, останется дерево.
В небе застыла последняя стая,
ждет ее долгий полет теперь.
Даже когда и меня не станет
будет апрель и оттепель;
новый рассвет и ночная темень,
клевера запах пряного.
Даже когда прекратится время —
время начнется заново.

Не страшно стать травой, уже не страшно;
по небу ходят ветры бесшабашно,
и жизнь травы со всеми муравьями —
по сути, та же, что случилась с нами.
Такой же как они, я вместе с ними:
и царь, и червь с печалью земными.
Когда-нибудь я возвращусь к истокам —
росою стану, муравьиным соком —
немного удивлённый новоселью —
живой сосной, растущей в небо елью.
Ты не грусти по мне — я буду весел:
звеном в цепочке звонких равновесий.

Игорь Джерри Курас — поэт и прозаик. Родился в Ленинграде, с 1993 года живёт и работает в Бостоне. Автор пяти поэтических сборников. Публиковался в журналах «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый Берег», «Новый Журнал», «Сура», «Новый Свет» и др. Лауреат премии журнала «Техига» по прозе (2019), лауреат премии журнала «Сура» по поэзии (2019), лауреат конкурса прозаической миниатюры имени Ю. Н. Куранова (2022), призер поэтической премии «Фонарь, 2022» (Издательский дом «Перископ-Волга»).